Светлана Алешина

Палач в нетерпении

Часть сборника
Мечтать не вредно (сборник)

Александра

Светлана Алешина

Палач в нетерпении

«Научная книга»

2000

Алешина С.

Палач в нетерпении / С. Алешина — «Научная книга», 2000 — (Александра)

«…Она все прекрасно поняла. Ее тонкие пальчики сцепились друг за друга, а губы слегка подрагивали.– Вы что, настаиваете, что все эти письма представляют реальную угрозу?Я взглянула на Ларчика. Он сидел, нахмурившись.– Но ведь этого не может быть, – пробормотала Таня. – Я же не звезда какая-то там… Нет, я читала про разных маньяков, конечно, но ведь они так поступают только со знаменитостями! А я…Она растерянно таращилась на нас. А у меня язык не поворачивался ни подтвердить наши предположения, ни опровергнуть их…»

© Алешина С., 2000
© Научная книга, 2000

Содержание

Глава 1 5
Глава 2 14
Глава 3 22
Конец ознакомительного фрагмента. 24

Светлана Алешина
Палач в нетерпении

Глава 1
Визит прекрасной дамы

– Александра!

Я оторвалась от созерцания потрясающей длинноногой блондинки, высокомерно улыбающейся мне с обложки «Космополитена».

Надо мной, аки ястреб, навис Лариков.

Его взор выражал гнев, ярость и злость. Все вместе давало резко негативный эффект.

– Лариков, – ласково проговорила я. – Я все равно не буду ничего делать. Понимаешь, не давая мне этот выходной, ты нарушаешь мои права. А я очень плохо отношусь к тому, что кто-то их нарушает. В данный момент я провожу сидячую забастовку.

– Ты проводишь не сидячую, а свинячую забастовку, – проворчал он.

– Как вам будет угодно, сэ-эр, – проворковала я в ответ, одарив его прелестной улыбкой.

Он явно хотел еще что-то сказать – не думаю, что сказанное порадовало бы мой слух, – потом передумал и сел в свое кресло.

Я снова принялась созерцать прекрасную диву, стараясь не реагировать на злобное бормотание, которое изредка издавал мой босс.

Наконец мои силы иссякли, и я, отложив журнал, посмотрела на него тем самым взглядом, которому научилась именно у него. Такой взглядец долго никто выдержать не мог. Лариков сначала попытался встретить его во всеоружии и уставился на меня. Так мы и сидели, пытаясь испепелить друг друга, и я уже начинала сдаваться, как вдруг явилась Она.

Я всегда говорила, что эффектное появление – половина успеха. Но эта дамочка достигла куда большего – ее появление обрекало ее на полный успех.

– Эй, ребята, – услышала я за своей спиной нежный голос с легкой хрипотцой, такой сексуальный, такой чарующий, такой…

Ну ладно. Не буду дальше восхищаться, а то меня заподозрят черт знает в чем!

Итак, она сказала:

– Эй, ребята, похоже, я немного некстати? Или детективы из «ЛМ» уже разбежались по теплым кроваткам?

Лариков вытаращился на нее в полном восторге. Я если и испытала восторг, то тщательно его скрыла.

Девица прекрасно была осведомлена о сногсшибательности своей внешности, но, к ее чести, относилась к этому с обаятельным равнодушием. «Знаю, что хороша, но я не настолько глупа, чтобы испытывать по этому поводу поросячью гордость. Просто такой меня создал господь… С густыми волосами того самого вожделенного платинового оттенка. С огромными голубыми глазами. С точеным носиком, слегка вздернутым вверх. И выпендриваться по этому поводу я нахожу чрезвычайно глупым занятием».

– Детективы не успели еще разбежаться, – растерянно проговорил Лариков, продолжая таращиться на нашу гостью. – Проходите.

Она ступила в комнату, как королева Виктория.

Проходя мимо меня, она улыбнулась, ткнула изящным наманикюренным пальчиком в красавицу на обложке и сообщила:

– О, Владик…

Я изумленно посмотрела на этот пальчик, потом подняла на нее глаза:

– Как это – Владик?

– Раньше оно было Владиком, – пояснила девица. – Теперь, конечно, оно зовется по-другому.

Она усмехнулась и спросила:

– Так кто из вас детектив?

– Оба, – сказал мой «добрый» босс.

– А старший?

– Я, – скромно потупился Ларчик.

– А-га… Значит, вы-то мне и нужны.

Она села на предложенный им стул и достала пачку «Винстона».

– Можно курить?

Почему-то вопрос адресовался ко мне.

Я была слишком занята странным «Владиком», рассматривая обложку и тщетно пытаясь обнаружить мужские качества белокурой красавицы, и ответила не сразу.

– Курите, – милостиво разрешила я. – Можете и меня угостить. А Андрей Петрович у нас потерпит. Потерпите, Андрей Петрович?

Некурящий Ларчик тяжело вздохнул, я взяла предложенную мне сигарету, и мы вдвоем с наслаждением затянулись.

Естественно, между нами тут же появилась нотка доверительности. Во всяком случае, именно мне адресовались ее следующие слова:

– Сколько стоят ваши услуги?

– Двести, – сообщил мой босс, пытаясь привлечь к себе внимание.

– Баксов? – уточнила гостья и, скрестив свои длинные ножки, внимательно оглядела их. – Нормально… Осилю.

– Вы хотите воспользоваться нашей помощью?

– Ну конечно.

– И… Надо думать, конфиденциально?

Бедный Ларчик явно собирался растопить ее сердце! Он так обаятельно улыбался и так замечательно уменьшил таксу, что я начала опасаться за его рассудок!

– Да уж куда конфиденциальнее, – мрачно усмехнулась она.

– А что, собственно, с вами приключилось?

– Пока ничего, – сказала она. – Но, как я поняла, у какого-то кретина мои приключения в ближайших планах на будущее вписаны красным карандашиком… В общем, ребята, меня собираются убить и мало того – постоянно мне об этом сообщают.

* * *

Она этот факт, как мне показалось, воспринимала совершенно спокойно. Во всяком случае, произнесена эта фраза была бесстрастным и ровным голосом. Как если бы она зашла к нам сообщить, что соседка пригласила ее на чашечку кофе…

– Простите? – поднял на нее глаза Лариков. – Как это – убить? Вы что, занимаетесь каким-нибудь… бизнесом?

– Нет, я не увлекаюсь нелегалкой, – усмехнулась она. – Я даже не манекенщица, хотя и кончила курсы в Москве. Честно говоря, я вообще ничего не понимаю. Потому что любовницей или – не приведи господи! – супругой крутого мэна я тоже не являюсь. Работаю я всего лишь модельером, и имя мое совершенно не известно, поскольку модельер я средней руки… И вас бы я беспокоить не стала ни за что, но эти вот письма меня уже немного нервируют.

Она с гримасой отвращения вытряхнула из сумочки груду белых бумажных листков.

Лариков взял один из них, прочел и вопросительно поднял брови.

– Но с этим надо идти в милицию! – воскликнул он. – Это же черт знает что! Терроризм…

– Я бы пошла, но эти дурацкие творения мне присылают уже около двух месяцев, и пока у моего неведомого «друга» рука на убийство не поднялась. А у милиции сейчас и так забот хватает – хотя, конечно, наказать этого дегенерата мне бы очень хотелось! Целый месяц я проводила собственные расследования, пытаясь прощупать всех своих знакомых, но это ни к чему не привело! Если бы не вчерашнее послание, я бы вообще на все это плюнула с высокой колокольни. Но согласитесь, что получать описания собственной мучительной смерти в конце концов надоедает. А вчера мой «киллер» превзошел себя в необузданных фантазиях… Сейчас я вам это покажу…

Она порылась в сумочке и достала еще один конверт.

– Во-от…

Достав оттуда снимок, она бросила его перед Ларчиком. На этот раз мне удалось кое-что увидеть…

Если бы кому-нибудь пришло в голову сотворить такой коллаж с моей персоной, я бы, наверное, очень разозлилась!

Хотя…

Присмотревшись, я поняла – это не был коллаж!

На полу лежала обнаженная девица, лицом вниз, с точно такими же волосами, как у нашей гостьи.

И чертова фотография не была переснятой или размноженной…

Нет, этот паршивец снял ее на месте преступления.

Я подняла глаза на Ларчика, который сидел с озадаченным видом.

– Ларчик, – тихо сказала я, – что ты думаешь по этому поводу?

– Он может работать в оперативке, – пожал плечами Ларчик. – Или в судмедэкспертизе. Или в…

– Морге, – добавила я. – А еще он может работать продавцом мороженого или дрессировщиком. Этого ты не допускаешь? Просто у него есть странненькое хобби, которое лично мне не нравится…

– Знаешь, Сашечка, я все-таки не хочу так думать, – сообщил Лариков, – поскольку тогда выходит, что мы имеем дело с уже совершенным убийством. Кроме того, я бы не назвал эту даму мертвой.

– Если, конечно, ее не собираются убить, – сурово сдвинула я брови. – Может быть, она пока жива – но смерть уже стоит над ней.

– Или они просто прикалываются, пытаясь заставить адресатку поверить в ее неминуемую участь, – ответил на мою внутреннюю панику Лариков. – Конечно, это очень нехорошо с их стороны.

– А ты думаешь, что его заботит твое мнение по поводу совершенных им поступков? – усмехнулась я. – Ах, не стану я совершать убийств, раз Андрей Петрович так расстраивается… Зачем мне заставлять переживать такого чудесного человека? И обманывать никого не стану.

– Подождите, о чем это вы?

Девушка смотрела на нас расширившимися глазами.

– Вы хотите сказать, что этот придурок… О нет!

– Мы хотим сказать, что этот ваш «придурок» может быть весьма опасен, – «успокоил» девушку мой добрый босс. – Вам следует быть осторожнее.

– О боже! – простонала девушка, а я подумала, что мужчинам все-таки явно не хватает тактичности.

Как бы он сам отнесся к беспощадному вердикту «вам следует быть осторожнее»?!

* * *

Она так побледнела, что я испугалась. Терпеть не могу, когда на моих глазах люди падают в обморок!

– Вот теперь, Ларчик, – прошипела я, – тащи воду и валерианку… Потому как именно ты ее довел своей бестактностью, ты и ищи валерианку.

– Не надо, – совершенно спокойно проговорила наша потенциальная клиентка. – Не надо мне никакой валерианки. Лучше сигарету дайте покрепче.

Она отшвырнула свой «Винстон».

– Какой-нибудь «Беломор-канал» или «Астру»… У вас есть?

– Нет, – призналась я. – Есть только «Космос» на черный день и «Монте-Карло».

– Будем считать, что мой черный день уже настал, – мрачно усмехнулась девушка. – Давайте ваш «Космос». Ох, как же это я сама не догадалась?

– Купить «Космос»? – осведомился мой босс.

– Да нет, – отмахнулась девушка. – Что это снимок с места преступления… Как я не догадалась? Я ведь думала, что это коллаж… Какая я дура, господи!

Она возвела глаза к небу, как бы надеясь, что господь ее разуверит, но господь, видимо, был занят, а может быть, считал, что ее умственные способности оставляют желать лучшего. Поэтому разуверять ее ни в чем не стал. Промолчал, одним словом…

– Ну и что мне теперь делать?

Она выглядела растерянной и озадаченной.

– Наверное, сначала нам стоит познакомиться, – ответила я. – Судя по всему, нам какое-то время придется пребывать в тесном контакте. Меня зовут Сашей. Я помощник детектива Ларикова, Андрея Петровича, который сейчас как раз отправляется приготовить нам кофе.

Лариков от моей наглости обомлел. Он застыл, как истукан на острове Пасхи, с такими же округлившимися глазами и приоткрытым ртом, а уж по росту вообще в эту каменную компанию вписывался свободно.

– Как? – переспросил он, тщетно пытаясь придать своему растерянному голосу нотки сарказма. – Ко-офе?

– Ну да, – кивнула я. – Ты хочешь сказать, что не справишься?

Его глаза говорили многое, как пишут в романах. Столько уж мне эти глаза наговорили, что уши мои в трубочку свернулись!

Ну да я претерпела этот наплыв нездоровых эмоций спокойно, наслаждаясь моментом.

Потому как это была моя месть за отнятый выходной. За мой несостоявшийся праздник души, за пикник с копченой курицей, которого не случится! В конце концов, за то, что чертов Лариков не отпустил меня на байк-шоу, а я так мечтала попасть туда вместе с Пенсом!

И неважно, что, по словам Пенса, байк-шоу мне бы не понравилось, просто…

Просто мне туда, черт возьми, хотелось!

Он понял и усмехнулся.

– Ладно, девочки, – кивнул он. – Кофе сейчас будет.

И исчез в кухне.

– Так как тебя зовут?

– Ах да… Я и забыла, что ты меня об этом спрашивала, – девушка нервно рассмеялась. – Слушай, ты с ним не очень круто обошлась?

– Сойдет.

Я ждала ответа.

– Я Татьяна Борисова, – наконец представилась она.

Ну вот тебе и подарок судьбы! Я вздрогнула.

– Та самая? – переспросила я.

– Ну, не знаю, что ты имеешь в виду, – протянула она.

– То, что ты и есть Танечка Борисова, которая работала над коллекцией костюмов для байкеров?

– Ох, вот уж не знала, что это принесет мне популярность! – удивилась она. – Ты что, из компании этих мальчиков и девочек, которые тусуются на проспекте?

– Нет, – развела я руками. – Я одиночка. То есть не совсем одиночка, я вдвоем с Пенсом.

– С Серегой? – обрадовалась она. – Так ты – Серегина подружка? Слушай, как здорово!

Потом последовал целый панегирик, описывающий Пенсовы достоинства. Я даже испытала приступ ревности – поскольку наивно полагала, что только я могу восхищаться моим Пенсом по праву безраздельной собственницы. Мы даже забыли про страшный повод для нашего знакомства.

Напомнил Ларчик.

Он молча поставил на столик чашки с кофе. И уселся в кресло, изучая нас с отстраненным интересом.

– Кажется, вы нашли общий язык? – спросил он.

– Представляете, – обратилась к нему Таня, – у нас с Сашей общий друг!

– Остается надеяться, что это не ваш общий друг посылает вам фотографии и письма, – охладил наш пыл Лариков, напомнив о причине прихода Тани к нам.

Мы сразу скисли. Лариков открыл тайную дверцу, впуская в наш теплый климат холодный воздух реальности.

– Что вы, – махнула рукой Таня. – Это уж точно не он. Он на такое просто не способен.

– Вот и давайте от него отвлечемся, чтобы попробовать понять, кто же из ваших знакомых такой талантливый…

Он взял со стола письма и фотографию и посмотрел на нас.

– Сейчас подумаю, – нахмурилась Таня. – Хотя, знаете, Андрей Петрович, я пока не нахожу ни одной кандидатуры.

Она, перебрав в уме своих знакомых, покачала головой:

– Нет… Не получается! Давайте так – я рассказываю вам все по порядку, а вы думаете, кто из моих знакомых может вызывать подозрения. Пойдет?

Она была просто находкой. Потому что начала свой подробный рассказ с даты прихода первого письма.

* * *

Оказывается, первое послание поджидало ее по возвращении из Польши, где бедная наша героиня показывала свою коллекцию.

– Вот сами представьте, – возмутилась она, – приезжаю вся размякшая – первый выход на международный подиум, лезу в почтовый ящик и вместе с разными газетенками достаю вот эту пакость!

Она поворошила несколько конвертов и достала самый грязный.

– Вот оно, – протянула она письмо нам с Лариковым, явно колеблясь, кому же отдать предпочтение. Но, поразмыслив, решила не обижать единственного мужчину и отдала ему.

– Естественно, все мое радужное настроение тут же испарилось, и я тогда разревелась. Но совсем не потому, что испугалась – о страхе тогда еще речи не было. Просто обидно – до чего у нас все-таки гадкие люди в бизнесе! Даже Польша воспринимается как повод для зависти! Ну и как вы сами можете прочесть, это еще цветочки. А так как я не подозревала, какие меня ожидают «ягодки», я восприняла это как самую большую пакость на свете!

Лариков протянул наконец-то конверт мне. Я прочла.

Просто классика жанра! Даже буковки были вырезаны, такие славные, разноцветные буковки, наклеенные ручкой неведомого «шалуна»!

«Моя дорогая шлюха, – начиналось послание. – Твоя затея все равно обречена на провал. Над тобой нависла угроза справедливой мести. Каждый человек получает по заслугам, не так ли?»

Если бы я получила такое письмецо, я бы денно и нощно дежурила возле ящика, а потом устроила бы борьбу, которой я владею в совершенстве с детства… Борьбу без правил! Желательно с использованием подручных средств в виде табуреток и кастрюль.

Но Танюша явно относилась к более мирным натурам. Она у ящика не дежурила, никого не избила и даже не возмутилась.

– Правда, кое-какого результата эта сволочь добилась, – вздохнула она. – Вам не приходилось бывать в ситуации, когда вы встречаетесь с людьми, улыбаетесь им, они улыбаются вам, но душу уже отравили подозрения? Вы смотрите на симпатичные физиономии своих сослуживцев и думаете: «Не ты ли та самая скотинка, которая сочиняет эти письмена?»

– Да у нас, собственно, работа такая, – развела я руками. – Любого подозреваешь. Вот даже Ларикова можно подозревать. Так что это, конечно, неприятно, но привыкнуть можно!

– Да нет, – сказала она. – Это другое… Когда ты в какой-то момент ловишь себя на том, что твои подозрения переходят в ненависть. Поэтому я справилась с собой, тем более что писем больше не было, и даже начала приходить в себя, забывая об этой гнусности, как вдруг оно пришло снова. Еще хуже, чем первое. И пришло в тот момент, когда мы с Витькой вернулись из Голландии!

Она закурила:

– Ну так вот… Витька – это мой бывший бойфренд. Голландия была его идеей. Он видел, что я постарела от всей этой истории, и решил, что мне надо развеяться. Пришел как-то раз и спросил, в какую бы страну я хотела съездить. Я ляпнула про Голландию, а он, как добрый джинн, через пару дней принес путевки! Мы провели там несколько совершенно ослепительных дней – и вернулась я отдохнувшая, полностью забывшая про все волнения. Витька тоже был счастлив. Теперь представьте, что было дальше…

– Ты полезла в чертов ящик и достала письмо, – мрачно сказала я.

– Вот! – торжественно кивнула она. – Именно так! И на этот раз там было только две строчки. Из детской книжки вырезанные… «Оторвали Мишке лапу – наша Таня громко плачет!» Я даже расхохоталась! Правда, смех быстренько перешел в истерику… Конечно, у меня появилась смутная догадка, что сии послания приходят в самые счастливые моменты моей жизни. Все началось по новой. Я всматривалась в лица своих друзей и особенно подруг, пытаясь понять, кто же это меня, бедненькую, так ненавидит? Как вы сами понимаете, лица их были честны и невинны, а я твердо постановила больше никогда не испытывать легкомысленных приступов счастья, поскольку они напрямую связаны с этими посланиями…

– Ну, судя по их количеству, ты следовала этому недолго, – с сомнением заметила я, смотря на довольно-таки внушительную стопку.

– Знаешь, Сашенька, человек обладает такими глупыми качествами, как забывчивость и легкомыслие. Поэтому у меня, как ни старалась, ничего не вышло! А потом… так уж получилось, что я, как нарочно, стала еще счастливее! Потому что я встретила Андрей Никитича…

И меня просто забомбили этими посланиями. Как из канализации испорченной, честное слово!

Она раздавила окурок в пепельнице с таким видом, будто это был автор тех «нетленок», что сейчас лежали у нас на столе.

– Вот тут уж у меня пошел мороз по коже, – тихо сказала она. – И дело совсем не в последнем фото. Дело в том, что эта гадина явно не собирается успокаиваться. Последние

письма вообще потрясающие… Например, вот эта вырезка. «Загнанных лошадей пристреливают, не так ли?» Или…

Она порылась и достала новый «шедевр»:

– Вот. Сами посмотрите.

Я взяла в руки листок и присвистнула.

Надо же, он ведь не поленился даже испортить хорошую книжку! Кажется, это из детективов Николаса Блейка. Насколько мне известно, сейчас таких уже не издают.

Страница была немного пожелтевшей от времени, но я очень хорошо знала эту книжку – у меня была точь-в-точь такая же. Тысяча девятьсот семьдесят пятый год…

Кстати, редкость! Но он не постеснялся оторвать титульный лист с заглавием!

«Я буду полностью оправдан за убийство».

Ни много ни мало… Да уж, хорошенькое обещаньице!

* * *

– Таня, – спросила я, возвращая это послание, – но почему вы все-таки не пойдете в милицию? Понимаете, всех этих писем хватит на очень хорошенькое, толстое уголовное дельце.

– Да уж, знать бы только, кто так нестандартно веселится, – протянул Лариков, кидая одно из писем на стол. – Потому что его еще надо найти, а потом уж дело заводить.

– Да бросьте! Я, честное слово, не верю, что эти угрозы реальны!

Татьяна произнесла это бодрым голосом, и я подумала, что это обычный аутотренинг, ей-богу! «Ага, вот меня грозятся убить, а я в это не поверю! Чтобы нервы не портить! Я не верю, что угрозы реальны!»

А в глазах – такая растерянность и мольба: «Господи, дай знать, что я зря так боюсь!»

Ох, как бы мне хотелось сказать тебе, что никто тебя и пальцем не тронет! Но вот эта фотография мешает это сделать. Потому что этот придурок, сдается мне, уже набивает руку. Уж больно натурально мертва эта девушка, так похожая на тебя, бедная Танечка…

Конечно, лежит она слишком, я бы сказала, эффектно, но, может быть, она из той породы женщин, про которых можно сказать – «смерть ей к лицу»?

Хотя вот лица-то ее не видно, а жаль…

Я постаралась не показывать своего настроения, но…

Она все прекрасно поняла. Ее тонкие пальчики сцепились друг за друга, а губы слегка подрагивали.

– Вы что, настаиваете, что все эти письма представляют реальную угрозу?

Я взглянула на Ларчика. Он сидел, нахмурившись.

– Но ведь этого не может быть, – пробормотала Таня. – Я же не звезда какая-то там… Нет, я читала про разных маньяков, конечно, но ведь они так поступают только со знаменитостями! А я…

Она растерянно таращилась на нас. А у меня язык не поворачивался ни подтвердить наши предположения, ни опровергнуть их.

В недобрый час я пришла в эту квартиру! Работала бы сейчас секретарем-референтом! Кофе бы приносила, улыбалась во весь рот, но уж сидела бы спокойно дома в законные выходные дни, и забот у меня было бы гораздо меньше!

– Я думаю, что нам надо попытаться найти творца этих бессмертных «шедевров», – стараясь скрыть свою озабоченность за беспечной улыбкой, сказала я. – Поскольку вашу жизнь он отравляет. А уж там разберемся, что он хотел и что он…

«Сделал», чуть не вырвалось у меня, но я вовремя прикусила язык. Она и так перепугана, не без нашей с Ларчиком помощи, зачем же ее и дальше накручивать?

– Почему он так на вас разозлился? Вам придется поднапрячь память и попробовать сейчас вспомнить тех людей, которым вы нечаянно досадили, или тех, кто по каким-то причинам вас недолюбливает. Сможете?

Она кивнула. И даже выдавила улыбку:

– Конечно… Хотя это, если честно, будет не так-то легко сделать.

* * *

Мы довольно долго проводили наше «дознание». Обычно Лариков ведет беседу, а я все тщательно записываю и потом пытаюсь составить картинку путем тщательного отбора. Сейчас было наоборот. То ли нас таинственным образом объединил Пенс, то ли просто двум курящим леди легче найти общий язык, но я и разговаривала, и незаметно черкала в маленьком блокнотике. Лариков на сей раз лишь иногда пытался вклиниться в нашу беседу.

Через два часа мой блокнот был усеян именами и краткими характеристиками. Танечка была явно общительным человеком. Но толку от нее было мало. Сначала она задумывалась, вспоминала какую-то не очень приятную личность и обрадованно восклицала: «Вот!» Потом, когда она рассказывала нам про «подозреваемого» все, чуть ли не от момента его рождения, она вдруг сникала и объявляла: «Нет. Он не мог. Плеснуть мне в лицо серной кислотой – это сколько угодно. А на письма у него бы фантазии не хватило». Или наоборот – фантазии бы хватило, но не стал бы человек этого делать по этическим соображениям.

Короче, мы ничего толком не надумали, и Танечка ушла грустная, как опавший листочек.

– Послушай, маленькая, а тебе не кажется, что она все это просто придумала сама? – задумчиво молвил мой шеф. – Такое у нас в практике часто случается.

– Она не производит впечатления человека, способного накатать себе парочку угроз для роста популярности, – с сомнением покачала я головой.

– Ну, фантазировать-то она тоже любит. Назвала же она эту красотку мужским именем! Я вот не верю, что такая женственная дамочка транссексуал.

Я взяла из его рук журнал и перевернула страницу.

Большой рассказ о «модели года» я только пробежала глазами и так же молча протянула его назад Ларчику.

Он просмотрел статью и присвистнул.

– Да уж никогда бы не подумал, что Влада Воронцова на самом деле действительно бывший Владик Воронцов… Кошмар какой-то! Вот так полюбишь девушку всей душой, а она вон кто на самом деле…

– А ты не влюбляйся в топ-моделей, – посоветовала я. – И в поп-певиц. Тогда можно оставаться вполне спокойным за будущее.

Моя голова уже походила на включенный компьютер. Заложенная в память информация начинала обрабатываться.

– Так как мне быть с уик-эндом? – спросила я. – Аналитические раздумья ведь вполне можно проводить и не на рабочем месте!

– Ладно, – махнул он рукой. – Только это не выходной. Считай, что я командировал тебя к верному Пенсу выяснить все о нашей Танечке и ее близком окружении. Да, одна просьба… Постарайся не очень далеко отходить от телефона. В любой момент можешь понадобиться.

– Что? – возмутилась я. – А если я отправлюсь раздумывать над проблемой в лес?

– А в городе ты не можешь подумать? – опечалился Лариков.

– Нет, – зловредно сообщила я. – Именно в лесу мой мозг работает лучше.

– Ладно, иди в лес. Хотя я буду молиться всю ночь о дожде, – грустно сказал Лариков.

Я не очень-то верила в силу его молитв, поэтому вышла на вечернюю улицу, окрыленная завтрашним выходным.

Воздух был теплым и сухим. Дождя ничто не предвещало.

«Так что все твои моления будут напрасными, – подумала я не без ехидства. – Видимо, количество лариковских прегрешений не дает ему быть услышанным».

Глава 2
Неудавшийся уик-энд

Утром я проснулась от ощущения того, что какой-то кретин забрался на мой восьмой этаж и барабанит в окно. Я находилась еще пока в том приятном заблуждении, что ты лежишь на облаке и сам себе напоминаешь легкую пушинку, но, увы, этот остолоп, которому не лень было забираться под самую крышу, продолжал стучать, мерно и настойчиво, и мое облако быстренько начало спускать, оказавшись надувным.

Я открыла глаза.

Я посмотрела в окно.

– Ах ты, зараза! – вырвалось у меня. Лучше бы я еще немного полежала, уставившись в потолок! Но мой взгляд метнулся к окну в поисках утренних солнечных лучей раньше, чем я успела его остановить. И увидела маленькие капельки на оконном стекле, увидела серое небо, от которого сразу захотелось разрыдаться, потому что оно выносило окончательный приговор моему тщательно взлелеянному уик-энду!

Его не будет…

«Противный Лариков, – подумала я, хмуро разглядывая капли на стекле, которых становилось все больше. – Противный и гадкий тип, который решил единственный раз в жизни открыть уста свои молитве исключительно с целью навредить мне! И как же ты, господи, мог его выслушать, да еще и наслать этот дождь мне на голову?»

Обдумав свое плачевное положение, я поняла, что можно, конечно, и пролежать весь день на кровати, принципиально не утруждая свой мозг раздумьями, поскольку Пенс, взглянув на небеса, без труда поймет, что наша поездка пошла прахом. Но лежать весь день – занятие не столько скучное, сколько бездарное, а в кухне гремит чайником мама, и, если я сейчас подниму мое измученное тело с этого ложа, она напоит меня горячим кофе. Выходной день – он все-таки выходной, поэтому я встала и выползла на кухню.

– Господи! – испугалась мамочка, увидев на пороге собственное чадо. – Ты разве не на работе? Что-то случилось? Тебя не уволили?

– Не надейся, – ответила я, наливая в чашку кипяток и размешивая кофе. – Я слишком большая находка для этого любителя использовать дармовой детский труд. Он даже свободу мне дал, предварительно уговорившись с господом богом испортить погоду. Поэтому я намереваюсь весь день омрачать твое существование своим присутствием.

– Да уж, перспективка, – проворчала мать. – Сегодня ты не дашь мне посмотреть «Селесту».

– Не дам, – кивнула я. – Не потому, что мне не нравится, что интеллигентная женщина с высоко развитым интеллектом смотрит на муки вечно рыдающей Андреа дель Бока. А просто из вредности. Буду весь день читать тебе Джойса, чтобы ты, не выдержав, позвонила Ларикову и долго ругалась на него грязными словами.

– Тогда он больше никогда не даст тебе выходной, – с сомнением в голосе проговорила мамочка. – Может, ты найдешь себе какое-нибудь занятие?

– Тогда я буду весь день мыть двери, – предложила я второй вариант. – И не просто мыть, а скрести их.

Это ужаснуло мать еще больше.

– А моя совесть? – запротестовала она. – Я не хотела сегодня тратить время на уборку.

– Получается, что мой выходной в радость только мне, – вздохнула я. – Люди относятся к нему отрицательно. Ладно, пойду к Пенсу выяснять у него все о Татьяне Борисовой. Буду заниматься работой, и все это потому, что моя бедная личность всем только в тягость!

В это время в дверь позвонили, и я открыла дверь. Прямо на ловца примчался мой бедный зверек, потому как на пороге высилась долговязая, промокшая фигура Пенса.

– Сашка, у нас ничего не получается, – развел он руками. – Наши планы сорвались. Я надеялся, что дождь кончится, но, видно, это только начало…

– Да уж, судя по тебе…

Я рассмеялась. Пенс был похож на ходячего утопленника. Вода стекала с него ручьями.

– Господи, Сережа! – закричала за моей спиной мама. – Ты же весь мокрый! Ну-ка, быстрее переодевайся и иди пить горячий кофе!

Она наступала на него с не терпящей возражений энергией, в ее довольно объемистой фигуре появилось странное и грозное очарование, и под действием оного мой бедный Пенс сдался.

Пробормотав «благодарю», Пенс скрылся в ванной.

– Ты отбиваешь у меня кавалеров, – мрачно объявила я. – Это нечестно.

– Ну, если моя дочь решила заморозить своего кавалера, должна же я попытаться помешать этому, – хладнокровно парировала моя порочная мать.

– Между прочим, замороженные продукты лучше сохраняются, – ответила я.

– Не пойму, в кого ты уродилась такой нахалкой!

– В тебя, моя радость, – обезоруживающая улыбка украсила мою физиономию. – В тебя, моя бедная, несчастная мать…

– Enfant terrible, – пробормотала «несчастная мать», чмокая меня в щеку. – Представляешь, что бы сказала тетя Оля, услышав, как ты со мной разговариваешь?

– Поэтому мы и не допускаем посторонних в наш тесный круг, – развела я руками. – Вряд ли им понять тонкую игру обертонов истинной нежности и любви… Кстати, тебе не кажется, что наше «яблоко раздора» чересчур задерживается в ванной?

– Ты боишься, что он утопился? – хмыкнула мамочка.

– Разве что от мрачной перспективы провести со мной весь остаток жизни, – вздохнула я и, подойдя к двери, за которой попытался укрыться от своего светлого будущего Пенс, закричала: – Пенс! Тебе не кажется, что я уже умираю от затянувшейся разлуки?

– Сейчас, – раздался абсолютно спокойный голос. – Я уже одеваюсь.

– Надо же, – пробормотала я. – Кажется, это единственный человек, способный понимать меня с полуслова…

* * *

Перенеся наш пикник в мою комнату, я с удивлением обнаружила, что в этом тоже есть своеобразный кайф.

По окнам все так же молотили капельки дождя, небо явно не собиралось становиться светлее, поэтому, несмотря на полдень, складывалось ощущение вечера. Мы сидели с Пенсом на ковре и спокойно распивали наш кофе. Курицы, правда, не было, но и без курицы время мы проводили славно.

– Ты опять поругалась с боссом?

– А? – он вывел меня своим вопросом из потока размышлений. – Ах, вспомнила. Да, почти. Он не дает мне отдохнуть… Я ему еще не простила того, что по его милости пропустила назначенный Нострадамусом конец света, и на падение Франции тоже не посмотрела…

– Так его не было, конца света.

– Это неважно, – отмахнулась я. – Главное – в принципиальном вопросе ущемления моих человеческих прав. Если человеку хочется посмотреть в кругу родственников на конец света, это нечестно – заставлять его бегать за расфуфыренной тетенькой. Конечно, конца света не

было. А представь, если бы он был? Я считаю, что на концы света людям надо обязательно предоставлять выходной день. Собственно, у меня и сейчас нет выходного.

– Как? – не понял Пенс. – Ты же сидишь, закутавшись в плед. Торчит только один нос. Ни за какими дамочками не бегаешь… Типичный выходной.

– А вот и нет, Пенсик! В данный момент я втираюсь к тебе в доверие с далеко идущими шпионскими целями.

Он посмотрел на меня с явным сомнением – кажется, я совершенно не производила на него впечатления тщательно обученной шпионки. Или он задумался, чем это его особа так заинтересовала моего босса?

– Я тебя иногда не понимаю, – грустно признался он. – Сашка, ты хоть объявление вешай, когда говоришь серьезно, а когда стебешься…

– Фу, Пенс! Я сейчас маме скажу, какие слова ты произносишь в моем присутствии! Ну ладно, в интересах дела я потерплю. Потому что мне надо знать, какие отношения связывали тебя с Таней Борисовой.

– С Таней Борисовой? – поперхнулся Пенс. – С Таней…

– Послушай, я уже неплохо выучила ее имя, так что можешь не трудиться повторять его. Так что это за Таня? Я внемлю тебе, о мой скромный рыцарь!

Он молчал, уставясь в чашку.

– Пенс! – взмолилась я. – Почему тебя так заинтересовала эта чашка? Ты решил научиться гадать на кофейной гуще? Но кофе-то был растворимый! Там никакой гущи нет и не было!

– Да я просто не знаю, как тебе это сказать-то, – пробормотал Пенс.

– Если ты не знаешь, как это по-русски, попробуй изобрази на старофранцузском, – съязвила я.

– У нас с Таней Борисовой был роман, – тихо, почти неслышно пролепетал мой друг и взглянул на меня с паническим ужасом. Как будто я немедленно собиралась раздаться в плечах и почернеть лицом, превращаясь в ревнивого мавра. – Но это было давно…

* * *

Ай да Пенсик! Вот ведь как, милостивые мои государи! Дружишь с человеком целую жизнь, твердо уверенный в том, что он уже давно пережил стадию краткой влюбленности в тебя и теперь ты стала для него этакой вечной Беатриче, Лаурой, далекой звездой, которой поклоняются, – ан нет! Тот, кого ты почитала верным рыцарем, все это время, оказывается, времени даром не терял-с! Он, понимаете ли, романы крутил!

Я задумчиво смотрела на Пенса, прикидывая, что могло связывать его с такой красавицей, как Танечка? Что, вернее, пленило ее в моем долговязом друге?

– Саша? Ты что?

Пенс смотрел на меня с испугом.

– Ничего, – ответила я, стараясь придать голосу как можно больше скорби. – Просто переживаю крах иллюзий. Кончился мой розово-голубой период! Жизнь наступила мне на горло, нисколько не считаясь с идеалами юной девицы! Итак, мой рыцарь, вы были увлечены этой дамой? Что ж, значит, вы знаете о ней больше, чем я рассчитывала!

После сей тирады я посмотрела на него взглядом, полным искреннего сожаления о его нравственном состоянии на сегодняшний день. Он воспринял мое обращение с ожидаемым трагизмом, чем меня вполне удовлетворил.

– Саша, – взмолился он. – Почему ты решила перейти на «вы»? Я тебя обидел, да?

– Нет, что вы, сэр. Просто я решила, что раз наш разговор плавно переходит в деловое русло, то…

– Нет уж, – воспротивился всей душой Пенс моим новшествам. – Давай все-таки общаться нормально, а то мне не по себе от этих твоих «вы».

– «Пустое «вы» сердечным «ты» она, обмолвясь, заменила», – процитировала я классика. – Ладно, Пенс, проехали. Давай колись, братан, про эту свою Таню!

Он стерпел, решив, видимо, что уж лучше быть «братаном», чем «сэром». Надо будет потом выяснить, почему…

– А что с ней? – поинтересовался он робко. – За ней попросили следить?

– Конечно, – кивнула я. – Попросили прямо из Интерпола. Она замешана в таких делах, дружок! Киднеппинг, наркотики, продажа оружия, включая ядерное, и терроризм! Мы никак не могли отказать – сам понимаешь, такая опасная личность должна находиться под присмотром!

– А если серьезно?

– Если серьезно… Ну ладно. Давай серьезно. Твоя Таня может заниматься профанацией ради популярности?

– Не понял, как?

– Скажем так… Может ли она писать себе письма с угрозами, чтобы вызвать интерес к своей персоне?

– Она что, дура? – вытаращился Пенс. – Нет, никогда!

Ну вот. В этом я и сама была почти на сто процентов уверена.

Достав блокнотик, я взглянула на исписанные моими странными каракульками листочки и спросила:

– Ты общался с ее окружением?

– Немного, – пожал он плечами. – Они мне не нравились. Нет, там есть вполне симпатичные люди, но их не так много… Странные они все. Как будто у них мозги набекрень. Не то чтобы они были полными идиотами, наоборот… Так что я даже и не знаю, почему они мне не нравились! Просто мне было с ними не в кайф.

– Очень понятно выразился, – усмехнулась я. – Ладно, давай думать вместе. Значит, рисую тебе такую вот картинку – человек получает гадкие письма. Получает их в тот момент, когда у него все очень хорошо… Ну, просто излучает он счастье. И в этот момент некто подкладывает ему новое письмецо, в котором обещает нашего счастливчика изничтожить. В последнем послании приложена фотография с убитой девицей. Сама Татьяна нарисовала нам с Лариковым всех своих знакомцев, но, по ее мнению, никто из них на такие поступки не способен. Кстати, у нее эти письма вызывают только смутные опасения, тогда как у меня от всего этого просто мороз по коже бегает. Особенно от фотографии. Понимаешь, в чем беда, Пенс… Такую фотографию можно сделать только в одном случае. Если перед тобой, так скажем, готовая фотомодель!

Пенс слушал меня очень внимательно.

– Подожди, – остановил он мои глобальные рассуждения. – Ты хочешь сказать, что Таньке кто-то угрожает? Как в романах?

– Не знаю, как угрожают в романах. Но ей угрожают, и тут уж ничего против не скажешь.

– Та-ак… – задумчиво протянул Пенс. – А фотография с тобой?

– Конечно, нет, – ответила я. – Лариков собирался выяснить, кто эта девушка. Правда, он в отличие от меня к факту убиения оной относится несколько скептически, но это его дело. Если предположить, что у нашего анонимного гения эпистолы есть сообщница, которую изобразили в качестве трупика, это не делает их в моих глазах более безопасными и привлекательными. Факт предупреждения, мон шер ами, налицо! Но это пока – в ведении господина Ларикова, вот пусть он и трудится в поте лица… А у меня задачка попытаться разобраться вот с этими гражданами. Благо ты с ними тусовался и можешь помочь мне хотя бы выделить наиболее вероятных «писателей».

– Давай свой блокнот, – протянул он руку.

Я с сомнением посмотрела на него и возразила:

– Ты не поймешь мой почерк.

– Тогда начинай по фамилиям. И не обращай внимания на Татьянины резюме – она из тех людей, которые до последнего не поверят, что человек способен на подлость. Кстати, ты сама-то что думаешь об этом анониме?

– Ну, мне кажется, что человек нам попался весьма начитанный. Лет ему примерно от тридцати до сорока. Он неплохо разбирается в искусстве. Думаю, что он аккуратен – буквы вырезаны очень аккуратненько, и нигде ты не увидишь пятен клея…

Неплохо знает кино. Умеет ухватить и передать суть. Помнишь фильм «Загнанных лошадей пристреливают, не так ли?» с Джейн Фонда. Довольно сложный фильм. Он его смотрел – как пить дать. Причем в самой вырезке присутствует намек на финал фильма – избавление…

Потом у нас следует Николас Блейк, английский писатель – автор детективов. И наш мальчик его читает… А насчет заголовка, который он прислал, я думаю, что в самом произведении тоже кроется намек. Вот теперь сложи эти самые письма. «Наша Таня громко плачет». То есть он считает, что Таня Борисова глубоко несчастный человек. Далее, в следующем письме другая фраза – о «загнанных лошадях». Последний опус впрямую намекает, что его оправдают за убийство. Вот что у меня получилась за галиматья, и если ты что-то понял, то я начинаю тобой восхищаться!

– Все понял, – кивнул он. – А если думать проще? Кто-то пишет просто потому, что Танька красивая, умная и талантливая? Из зависти?

– Вот если бы во всем этом не присутствовал Блейк, я бы так и думала, – кивнула я. – Но, милый мой, человек, который все это писал, явно не банален. Вот ведь в чем беда! Так что мы оставим оба варианта, как возможные. А пока давай писать краткие характеристики с твоего угла. Потом я окину всю эту компанию своим свежим взглядом и вынесу окончательный вердикт.

– Давай, – согласился он. – Дело-то несложное!

– Несложное, – вздохнула я. – Только знать бы, что наш аноним выкинет дальше. И сколько у нас времени до следующего «взрыва». Кстати, ты знаешь, что у Татьяны новая пассия?..

* * *

Пока мы разговаривали, на улице кончился дождь. Вместе с дождем, правда, и день тоже закончился, из чего я сделала вывод о близких отношениях Ларикова с господом богом.

Мы уже откинули несколько кандидатур, потому как Пенс подтвердил Татьянины суждения на их счет. Осталось ни много ни мало пять человек, вполне, по Пенсову мнению, способных на преступные деяния.

Я как раз заносила их в «черный список» и грызла исступленно карандаш, прикидывая в уме, как бы мне втереться в доверие к этим лицам. Так как одна из них была дамой, двое – голубыми, а двое были влюблены в Татьяну, я поняла, что мое очарование обречено на фиаско. Вряд ли моя особа заставит померкнуть Татьянин образ в их сердцах!

Пока же я могла рассчитывать только на Татьяну. Правда, подумав немного, мы с Пенсом пришли к выводу, что ее саму знакомить с нашим «реестром» не стоит – она может навредить делу, поскольку Пенс признался, что Татьяна бывает подвержена приступам гнева и в порыве оного запросто откроет наши грандиозные планы по выявлению негодяя.

Тут появилась на пороге мама и заявила:

– Кажется, вы стали похожи на двух обалдевших от непрестанных молитв отшельников. Кроме того, мне кажется, что вы голодны. Мисс Холмс, вам стоит зайти на кухню!

– Хорошо, миссис Хадсон, – улыбнулась я. – Ваша идея, если присмотреться, не так уж и плоха. Как вы на это смотрите, Ватсон?

Пенс развел руками:

– Как скажете, шеф!

– Фу, ма, он вышел из игры! – возмутилась я. – За это его стоит наказать, как ты считаешь?

– За что? – искренне удивилась мама.

– Ну неужели ты не понимаешь? Разве можно представить себе двух респектабельных джентльменов, один из которых именует второго «шеф»? Мы ж не в воровской «малине» находимся!

– Нет уж, – резко возразила мамочка. – Ты и так издеваешься над бедным мальчиком! У меня прямо сердце разрывается, когда я вижу, как ты ведешь себя с ним!

– Это кто бедный? – не поверила я своим ушам. – Он бедный?

– Да, я очень бедный, – широко улыбнулся Пенс.

– Ты не бедный. Ты вместилище страстей и порока, – проворчала я. – Но я склоняюсь перед решением сената. Пошли вкушать кофе с булочками.

* * *

Наш светский ужин был уже завершен. Я сидела, погруженная в размышления, и голоса мамы и Пенса долетали до меня как бы издалека.

– И знаешь, Сережа, – говорила мама. – Саша совершенно не следит за здоровьем. Ну скажи ты мне, как можно работать без выходных?

– Не к нему, – подала я голос. – И не ко мне. Данный вопрос, ма, адресуй своему возлюбленному Андрею Петровичу.

– Не надо все валить на Андрюшу, – возмутилась мама. – Он не может относиться к тебе как к бездушному роботу.

– «И понравился ей укротитель зверей белокурый красавец Андрюшка», – пропела я. – Ладно, это я сама лишаю себя всех радостей жизни, сама! Мне пришла в голову нездоровая идея аскетизма… Кстати, Пенс, Подл и Грязнер – это из Тома Шарпа?

Мой плавный переход к двум «голубым» из нашего списка моих собеседников несказанно удивил. Мама вообще о Подле и Грязнере ничего не слыхала и теперь таращилась на меня в изумлении, а Пенс с трудом понял, о ком я говорю.

– Не знаю, – честно признался он. – Я этого твоего Шарпа не читал.

– Кто дал им эти клички, ты тоже, наверное, не знаешь? – спросила я со слабенькой надеждой.

– Когда я с ними познакомился, их уже так называли. А я не особенно интересовался, кто их так обозвал.

– А вот и зря, – сказала я.

– Почему это меня должно было заинтересовать?

«Потому что человек, пишущий наши «нетленки» Тане Борисовой, и человек, назвавший двух «амантов» именами героев «Покер-Хауса» очень и очень похожи, – подумала я. – Ладно, разберемся».

– Так, – произнесла я вслух, – интересно ведь. Подл и Грязнер… Они действительно скользкие личности?

– Кому как, – неопределенно ответил Пенс. – Мне они показались довольно неприятными.

Я снова углубилась в изыскания, вчитываясь в краткие характеристики моих «героев».

Надо что-то придумать…

Я встала и прошла в комнату, где мирно помалкивал телефон. Набрав номер Тани, я долго слушала гудки, испытывая неприятное чувство – а вдруг с ней уже что-нибудь случилось?

Конечно, я не очень-то верила в угрозы, но – черт, как известно, у нас большой шутник и любит неожиданности.

Поэтому, когда Таня взяла наконец трубку, я выдохнула с облегчением:

– Слава богу!

– Саша? Что-нибудь случилось?

– Нет, просто ты долго не подходила…

– Я была в душе, – спокойно ответила Танечка. – Так что ты придумала?

– Ты будешь дома в течение вечера? – поинтересовалась я.

– Да, а что?

– Я подъеду?

– Конечно! Когда?

– Около восьми. Тебя устроит?

– Да, буду ждать.

Я повесила трубку. На моих часах было семь, а значит, надо было спешить.

Хорошо, что рядом со мной Пенс со своим мотоциклом!

* * *

Уже через полчаса мы были возле Татьяниной двери. Когда мы проходили мимо почтового ящика с цифрой «пятнадцать», я остановилась.

Искушение открыть его и посмотреть, нет ли там нового послания, было огромным. Но куда больше оказалось странное чувство подсознательного страха. Если бы я верила во всякую экстрасенсорику, я бы решила, что наш «друг» оставил там ауру.

– Почему ты остановилась? – удивленно спросил Пенс.

– Не знаю, – ответила я, как зачарованная, смотря на почтовый ящик. – Какой-то маразм, ей-богу! Стою и смотрю на него, испытывая непреодолимое желание сломать его! Слушай, как Таня мимо него ходит?

– У тебя просто психика очень расшатанная, – объяснил добрый Пенс. – Ты внушаемый человек. Надо тебя оберегать!

– Ну конечно, – проворчала я. – У всех нормальная, а у меня расшатанная. У меня скоро от общения с вами разовьется комплекс неполноценности в тяжелейшей форме, и я от него или умру, или позволю ему перерасти в манию величия, чтобы вам было плохо! Ладно, пойдем. Пока приступ не начался…

Татьяна открыла нам сразу и при виде Пенса вся засияла.

– Сережка! Саша, как тебе удалось его ко мне вытащить?

Я еле удержалась от искушения сообщить ей, что Пенс меня никогда не покидает. Но сдержалась.

Дело в том, что очень приятно, когда тот, на кого такая красотка смотрит глазами, полными любви, не сводит такого же взгляда с тебя. Но надо же быть приличным человеком и уметь скрывать свои эмоции от окружающих!

* * *

Пока Танечка копошилась на кухне, я рассматривала ее квартирку.

«Зингер», занимающий почетное место. Фотографии моделей. Кстати, совсем неплохих. Танечка, которую обнимает за плечи Юдашкин. Танечка в Польше, с владельцем «Польской моды».

А квартирка очень скромная – мебель доисторическая, телевизор в углу маленький, совсем крошка! Правда, большой музыкальный центр.

А на нем – фотография с байк-шоу. Девицы в экстравагантных одеждах, имитирующих времена средневековья. Кстати, очень красивые модели… Жаль, что в этом нет никакой возможности прогуляться по Тарасову.

Наконец она вернулась, включила музыку, и теперь мы сидели под уютным абажуром и пили кофе.

– Ну? Что там случилось?

Таня прекрасно держала себя в руках. Но внутри ее напряжение уже достигло той опасной точки, когда террор достигает своей цели.

Когда человек начинает ломаться и отдается панике.

Когда человек смиряется с тем, что некая странная и темная личность может запросто сделать с ним все, что она захочет. Даже убить.

– Ничего не случилось, – сказала я. – Просто пришли в голову некоторые мысли, и эти мысли нуждаются в проверке. А для того, чтобы их проверить, мне надо познакомиться с теми «героями», которых мы с Пенсом выделили как наиболее вероятных.

– Поняла, – кивнула Таня. – То есть ты хочешь познакомиться с ними поближе?

– Именно, ма шери, – сказала я. – И вот теперь я ломаю голову, как это сделать. Поскольку, если я заявлюсь к ним и скажу, что я сотрудница детективного агентства, все наши подозреваемые закроются. Естественно, никто не будет со мной откровенничать, а если и начнут, то только все запутают, валя друг на друга. Поэтому надо придумать, как нам все это побыстрее провернуть.

– Наверное, надо устроить вечеринку… Пенс, у тебя есть какие-нибудь идеи?

– У тебя нельзя, – сразу сказал Пенс. – Сашка вообще не должна показывать, что она с тобой близко знакома… Лучше будет, если вы «познакомитесь» именно там.

– Интересно! И как же я должна внедряться во вражеские ряды? Прийти на конкурс манекенщиц, что ли? Так меня никто туда не возьмет! Разве что демонстрировать моду для полненьких и маленьких детишек?

– Ты на себя наговариваешь, – окинула меня оценивающим взглядом Таня. – Очень милая мордашка и замечательная фигурка, между прочим.

– Спасибо за приятную ложь, – улыбнулась я. – Постараюсь в течение двух часов тебе верить.

– Я придумал! – прервал нашу беседу Пенс. – Только тебе надо это обговорить с ним.

– С кем? – удивилась Таня.

– Пусть Сашку пригласит Андрей Никитич. Кстати, он и меня может пригласить – знакомы ведь… А Сашка придет с Лариковым, таким образом мы все там будем.

– Заманчиво, – протянула Таня. – Единственное «но». Я не хотела бы посвящать Андрея в свои трудности.

– Если ты хочешь, чтобы ваши отношения продолжались, тебе надо перестать относиться к мужчинам, как к маленьким мальчикам, – тихо произнес Пенс с упреком.

– Ну ладно, попробуем…

И хотя Таня все еще явно пребывала в сомнении, стоит ли посвящать в проблемы загадочного Андрея Никитича, мы решили, что завтра она позвонит мне и сообщит, к чему привели ее раздумья.

Глава 3
Отвратительно хорошая погода!

На следующее утро я проснулась от обилия солнечного света. Он совершенно нагло заполнял пространство моей комнаты, а когда я выглянула в окно, я мстительно пробормотала:

– Ох, Лариков! Какой же ты подлый!

Небо было нежно-голубым, и день обещал быть теплым.

Выйдя на кухню, я обнаружила там маму, распевающую ставшую народной песню «Мне ль с моей красотой бояться одиночества».

– Надо же, какие фривольности вы себе позволяете, – проворчала я. – А потом вот будешь удивляться, почему твоей дочерью недовольны все соседки старшего поколения. «Ах, я и сама не знаю, в кого она!» А вот надо признаться честно, что в тебя, мамочка!

Мама изумленно воззрилась на меня.

– По какой причине у моей дочери сегодня такое дурное расположение духа, господи? – обратилась она к небесам. – Вроде ты постарался исправить погоду, но эта маленькая ходячая неблагодарность собирается испортить нам с тобой настроение!

– Именно по причине хорошей погоды, – буркнула я, наливая себе кофе, который вследствие вчерашнего злоупотребления тоже вызвал у меня отрицательные эмоции. Глядя на сей напиток с омерзением, я все-таки подавила желание вылить его в раковину и выпила залпом.

– Бог мой, она и кофе пьет сегодня, как водку! – всплеснула руками мама. – Саша, в таком настроении нельзя просыпаться человеку, чья работа напрямую связана с несчастными людьми! Их участь и так печальна, раз за ними бегают преступники, а ты еще начнешь отравлять им жизнь своей несдержанностью!

– Одному такому человеку я сегодня уж точно ее отравлю, – мстительно улыбнулась я. – Нечего строить против меня злые каверзы, вымаливая плохую погоду на мой выходной!

Я поставила чашку и вышла в коридор.

Взглянув в зеркало, я с тоской посмотрела на вздернутый нос и рыжие кудряшки, которые невозможно подчинить себе никакими ухищрениями. Если прибавить к этому безобразию кошачьи глаза, можно вообще на всю жизнь напялить чадру и никогда ее не снимать, чтобы прохожие не пугались.

Правда, все равно остается фигура, но тут уж я ничего поделать для человечества не могу. Разве что ходить в монашеском балахоне.

Если бы я не видела Татьяну, с изящными ножками, с белокурой косой и огромными глазами – может быть, я бы не так расстраивалась. Смиряюсь же я с собственной физиономией каждое утро!

– Но после настоящей красавицы очень трудно с тобой смириться, кошка, – мрачно сказала я отражению. – Ладно, попробую весь день воображать себя красавицей-блондинкой! Говорят, самовнушение великая вещь!

Посему я скорчила отражению рожу и пропела:

– «Мне ль с моей красотой бояться одиночества!»

* * *

– Ну и как? – поинтересовался мой нахальный босс, встречая меня с торжествующей улыбкой победителя.

– Да замечательно, – широко улыбнулась я. – Я провела день именно так, как мне хотелось. А у тебя как дела? Все в порядке?

– Не совсем, – развел он руками. – В отличие от некоторых я целый день пытался найти пропавшую блондинку. Но увы! Безрезультатно. Ни одной блондинки с длинными волосами в розыске нет. Есть одна с короткой стрижкой и, прости меня, с весьма неподходящей фигурой. Но положение не без плюсов. Поскольку вполне вероятно, что убийства не было. Как я и считал ранее, мы имеем дело с подтасовкой. Слишком сия дама хороша…

Он опять скептически рассматривал фотографию.

– И волосы у нее такие роскошные… Просто топ-модель из агентства «Ред старз».

– А почему оттуда? – не поняла я. – Там самые красивые?

– Реклама у них, – доходчиво объяснил мой босс, пытаясь отгрызть кончик карандаша. – У них волосы у всех потрясающие. Как у нашей жертвы. Я раньше думал, что таких не бывает… – Если только он не напялил на жертву парик, – буркнула я. – Или та самая несчастная вообще никем не разыскивается. Может быть, она сирота и у нее нет ни одного родственника? Или, предположим, такие родственнички, что они нисколько не озабочены ее судьбой… Так что рано еще заряжаться ненужным оптимизмом.

– А к чему привели твои размышления?

– Да пока ни к чему, – сказала я, старательно-честными глазами смотря Ларчику в лицо. – По словам Пенса, я с этим утверждением вполне солидарна, Танечка не рискнет играть в собственную смерть ради дешевой популярности. И к тому же – это ведь ничего не дает. Я склонна считать, что письма действительно посылаются ей кем-то, потому что…

Я прикусила язык. Мне ужасно хотелось рассказать Ларчику, какой психологический портрет у меня получился. Но воспоминание о его подлом сговоре с погодой мешало мне это сделать.

– Ну? – спросил Ларчик, уже успевший заинтересоваться. – Так почему?

– Потому что она другой тип, – сказала я. – Она совсем другой тип, и все.

После этого сложного умозаключения я уселась в кресло и начала задумчиво перебирать листочки из блокнота.

Мелькали имена и характеристики, без лиц и без голосов, поэтому похожие пока друг на друга.

– Ничего, – пробормотала я, покусывая кончик карандаша. – Скоро я с вами познакомлюсь. Скоро я увижу, как вы выглядите и что собой представляете.

Я так увлеклась разговором с собственной персоной, что не сразу заметила пристальный взгляд Ларикова.

– Саша? Что с тобой такое?

– Что? – встрепенулась я.

– Ты уже пять минут сидишь и бормочешь какие-то непонятные угрозы… Тебя кто-то обидел?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.